

- Всё в порядке! Я в порядке! - увидев, что Далиан уже огибает стол, Орвицка испугался так, что у него шерсть на загривке встала дыбом. Он быстро выплюнул зуб на ладонь. - Это не клык, это змеиный зуб! Смотри, с моей скоростью регенерации он уже немного отрос!

Далиан всё ещё с мрачным лицом подошёл к нему. Его высокая тень полностью накрыла Орвицку. Тот испуганно съёжился, но когда Далиан протянул руку, он послушно открыл рот, глядя на Далиана жалобными, беспомощными глазами, пока тот осторожно пальцами ощупывал его новый зуб.

Орвицка замер, боясь пошевелиться. Он опасался, что если приложит хоть малейшее усилие, ядовитая кислота из зуба брызнет и обожжёт Далиана. Но Орвицка всё же ощутил на языке странный сладковатый привкус, сначала похожий на вишнёвый сок, потом - на терпкое вино...

- А! - палец Далиана, должно быть, был поранен. Это был вкус его крови.

"Древние представители Рода Крови и оборотни - заклятые враги, и теперь понятно почему. Оборотни действительно чертовски вкусные".

Орвицка сильно встревожился, но Далиан, казалось, ничуть этого не испугался. Он хмурился, снова и снова осторожно ощупывая и проверяя зуб. Наконец, он выдохнул с облегчением.

Когда Далиан убрал палец, Орвицка тоже вздохнул свободнее. Но не успел он ничего сказать, как Далиан быстро повернулся и опустился на колени. Он подобрал с ковра остатки ожерелья, разлетевшегося на три части.

- Прости... - Далиан поднялся, сжимая в ладони обломки цепочки. Он даже не смел повернуться лицом к Орвицке.

Тёплое прикосновение сзади - Орвицка обнял его за талию:

- Ты не сделал ничего плохого, абсолютно ничего. Я чувствовал, как ты беспокоился и переживал за меня только что. Это я должен извиниться перед тобой. Я... я и сам не знаю, о чём думал, решив, что такая вещь может служить залогом верности. Карманные часы, которые ты мне подарил, полны любви и заботы, а я в ответ преподнёс тебе не приятный сюрприз, а настоящий шок.

Ему следовало извиниться и за свои прежние ужасные мысли. Он хотел наказать себя и одновременно продемонстрировать свою решимость, и тогда ему в голову пришла эта странная, импульсивная мысль - вырвать себе зуб. Он тогда понятия не имел, отрастёт ли змеиный зуб снова, просто подумал, глядя в зеркало, что этот зуб выглядит довольно круто, и если его вырвать, он будет похож на свирепый клык хищника.

К тому же Орвицка считал, что эта штука, которую он стилизовал под клык Рода Крови, лучше всего символизирует его принадлежность к их роду. По здешним традициям, это должен был быть весьма значимый подарок.

В общем... это был чистой воды импульс, глупость и самонадеянность.

- Нет, это сюрприз... Когда-то очень, очень давно представители Рода Крови действительно обменивались клыками в знак вечной любви и преданности.

- Похоже, тогда у них ещё были клыки. Но у меня не клык, а змеиный зуб, - Орвицка уютно прислонился головой к плечу Далиана. Хотя жёсткий значок на плече униформы немного царапал щёку, так прижиматься было очень приятно и успокаивающе.

- Да, тогда у Рода Крови ещё были клыки, - Далиан тихо усмехнулся. Он тоже когда-то свысока смотрел на Род Крови - ведь у них деградировали и исчезли даже нормальные органы прошлого, а способность отращивать клыки стала считаться какой-то аномальной сверхспособностью. Сейчас... сейчас он по-прежнему с лёгким презрением относился к большинству представителей Рода Крови, но Орвицка был исключением. Он нежно похлопал Орвицку по руке, всё ещё крепко обнимавшей его за талию. - Ты стоишь на цыпочках?

- ... - "QAQ Ну вот, опять! Больно же! Я не стою! У меня нормальный рост! Не говори ерунды! Я не такой уж и низкий, и я недавно заметно подрос! Я всё ещё продолжаю расти! У меня уже около ста семидесяти трёх сантиметров!"

Орвицка трижды яростно замотал головой. Почему Далиан такой злой? ТАТ

Он действительно стал значительно выше с тех пор, как попал в этот мир. За несколько месяцев вытянулся на шесть-семь сантиметров, поэтому сегодня на улице он действительно был "не низким".

Учитывая, что большинство людей здесь питаются в основном хлебом, испытывают хронический недостаток белка и овощей, трудно ожидать от них высокого роста? Орвицка, родившийся в 80-х, в подростковом возрасте придерживался распространённого на Голубой планете мнения, что китайцы генетически уступают европейцам в росте. Когда многие представители поколения 90-х выросли неожиданно высокими, это списали на избыток гормонов в пище. Но к поколению 00-х, по крайней мере на севере его родины, юноши и девушки ростом метр восемьдесят в средней школе уже не были такой уж редкостью, а рост поколения 10-х и вовсе был впечатляющим.

Далиан рассмеялся ещё громче и веселее. Орвицка, прижавшись к его спине, отчётливо чувствовал вибрацию его могучей грудной клетки.

- Гасия...

- М?

- Я хочу сделать наш район по-настоящему лучшим.

- Хорошо.

- Я хочу, чтобы хотя бы этот район стал островком мира и спокойствия, - он наконец понял. Ему необходима была цель, к которой он мог бы стремиться всеми фибрами души. Вести Род Крови к мировому господству - это, пожалуй, перебор, а вот обустроить своё собственное логово, превратить его в надёжное убежище - на это, пожалуй, уйдут все его силы и ближайшие десятилетия жизни.

- Хорошо.

- А у тебя самого есть какие-нибудь сокровенные желания?

- Когда-то... я мечтал стать высокопоставленным чиновником, войти в совет старейшин оборотней, в общем, стать кем-то, кто мог бы по-настоящему вершить свою судьбу и, попутно,

судьбы других. Я, наверное, тот ещё карьерист, да? Но сейчас прежние амбиции уже не так влекут меня. Теперь я хочу помочь тебе исполнить твоё желание. Я хочу увидеть своими глазами, возможно ли создать тот мирный и безопасный мир, о котором ты мечтаешь. Орвицка, я не пытаюсь тебе польстить или утешить. За эти месяцы я с удивлением обнаружил, что не так уж равнодушен к удовольствиям, как мне казалось. Я просто очень разборчив в их выборе. И я без памяти очарован тобой, мой представитель Рода Крови, мой партнёр... - он снова нежно похлопал Орвицку по руке, всё ещё крепко обвивавшей его талию. - Так что, дорогой мой, не мог бы ты меня отпустить? Я очень хочу тебя поцеловать.

- Нет, я хочу ещё немного так тебя обнять.

- ...Хорошо, - Далиан смиренно вздохнул и перестал вырываться. Он прикрыл глаза, наслаждаясь моментом близости.

- Гасия, и ещё... вы, оборотни, ни при каких обстоятельствах не должны позволять представителям Рода Крови пробовать вашу кровь.

- Потому что она сладкая?

- Ты знаешь?!

- Моё мясо ещё вкуснее, хочешь попро... мм! - он не успел договорить, как Орвицка так сильно стиснул его в объятиях, что остаток фразы застрял где-то в горле. - Ладно, ладно, молчу. Виноват. Род Крови тоже в курсе, не волнуйся. Мы уже заключили соглашение. По крайней мере, на людях представители Рода Крови не будут питаться нашей плотью и кровью. Успокойся, расслабься...

Хотя Далиан не видел лица Орвицки, он ясно представлял, как тот сейчас похож на взъерошенную, рассерженную кошку. Он мягко поглаживал руку Орвицки, словно успокаивая распушившегося котёнка.

Далиан обнаружил и особое преимущество такого положения: сердце Орвицки и его собственное сердце бились так близко, почти в унисон. Сердцебиение и у Рода Крови, и у оборотней было медленным, но отчётливым. Их дыхание и удары сердец постепенно синхронизировались, сливаясь в единый ритм.

На мгновение им обоим показалось, что их души соединились воедино, связанные биением одного общего сердца...

Тук-тук-тук. Резкий стук в дверь безжалостно разрушил эту хрупкую иллюзию единения.

- Логово торговцев людьми почти пусто!

Орвицка потёрся щекой о плечо Далиана, глубоко вдохнул его мускусный запах и неохотно разжал руки.

Стучавшим оказался Литан Серто, один из оборотней. Открыв дверь, он выглядел заметно расстроенным:

- Мы всё-таки опоздали. Там остался только всякий хлам, людей почти нет.

Торговцы людьми под пытками сознались, что их главное логово находилось в трущобах Чёрного района.

Район Рыбьего Хвоста располагался относительно недалеко от Чёрного района, поэтому Литан смог быстро смотаться туда и обратно. Орвицка и Далиан, увлечённые друг другом, совершенно потеряли счёт времени - оказывается, они простояли в объятиях больше часа. Время летело незаметно.

Самые захудалые уголки района Рыбьего Хвоста всё же могли похвастаться наличием хоть каких-то добротных домов, но Чёрный район был совершенно иным. Будучи самым злочным и опасным районом Содмана, он более чем наполовину состоял не из официальных построек, не имел названий улиц, а представлял собой хаотичное нагромождение ветхих, полуразвалившихся лачуг. Эта огромная территория трущоб была известна также как "Гнойник Содмана" или "Чёрные дюны".

В трущобах такого рода скапливались самые отбросы содманского общества, и их население постоянно росло - как за счёт приезжих бедняков, так и за счёт опустившихся на самое дно горожан. Они строили свои жалкие хибары из мусора и отбросов, и для постороннего глаза все эти "дома" выглядели одинаково убого и беспросветно.

Обитатели трущоб постоянно враждовали между собой, грабили и даже убивали друг друга, поэтому это место и прозвали "Чёрными дюнами" - там всё было как в безжизненной пустыне: острая нехватка самого необходимого, постоянная угроза жизни, а после очередного порыва ветра сам ландшафт мог неузнаваемо измениться.

Такое место, вне всякого сомнения, было идеальным убежищем для всевозможных преступников и беглецов. Полиция Чёрного района официально не признавала трущобы своей зоной ответственности, да и не имела реальных сил для контроля над ними. Множество наивных, идеалистичных, но неопытных молодых полицейских бесследно сгинули в лабиринтах Чёрных дюн.

Поэтому то, что Литан вернулся ни с чем, не было чем-то из ряда вон выходящим.

Но возвращение с пустыми руками не означало, что дело закрыто. Им предстояло ещё более тщательно и подробно допросить пойманных преступников.

С помощью испытанного "великого искусства восстановления памяти" патрульных (то есть допроса с пристрастием), полицейские успешно выудили нужную информацию.

Оказалось, что эта банда не имела никакого отношения ни к слепому Фуделу, ни к хрому Джонану. Они прибыли из города Ватми всего полмесяца назад. Это была их первая "вылазка" после тщательной разведки местности, и их тут же поймали "крабы" (так на жаргоне называли королевских полицейских) и "сварили" (то есть арестовали). Похищенная блондинка была их самой первой "кошечкой", они ещё даже толком не успели развернуть свою деятельность. А их главаря звали Толстый Кот Доминик.

Орвицка впервые услышал этот воровской жаргон и узнал новое прозвище для королевских полицейских - "крабы" (обычных полицейских, как выяснилось, презрительно именовали "крысами").

Самый молодой из пойманных торговцев людьми рыдал навзрыд:

- Нам надо было послушать тётю Дэлу! Она же говорила, что это место нечистое, что нам надо было сменить район!

По их словам, тётя Дэла была женой Толстого Кота, а её прозвище было Сладкая Горошинка.

Тётя Дэла - это и была та самая дородная женщина, которая с такой точностью и хладнокровием полоснула Орвицку ножом в бок, целясь в селезёнку. Орвицка одним ударом сломал ей нос и, возможно, вызвал сотрясение мозга. Она всё время находилась в полубессознательном состоянии, а приходя в себя ненадолго, начинала блевать. Поэтому до того момента, как Орвицка и его люди спустились вниз, тётя Дэла не проронила ни единого слова.

Заглянув в смотровое окошко комнаты для допросов, Орвицка увидел массивное тело тёти Дэлы, распластанное на длинном столе. Её лицо было залито кровью, нос неестественно свёрнут набок. Она время от времени издавала глухие стоны боли, а слова, изредка срывавшиеся с её губ, были совершенно неразборчивыми.

Орвицка тяжело вздохнул, немного сожалея о своей чрезмерной силе:

- Спрашивали остальных о слепом Фудело и хромом Джонане?

- Об этом мы не спрашивали, - Шультон и Большой Мак одновременно покачали головами. Они, естественно, сосредоточились на расспросах о текущем деле, а о том, что напрямую к нему не относилось, как-то не подумали.

- Почему они перебрались в Содман из города Ватми? И кто их покупатели?

- Не знают...

- Значит, продолжайте допрашивать.

Раз Орвицка приказал, значит, нужно продолжать допрос. К тому же Орвицка своим вопросом дал им ценную подсказку, и детективы начали более тщательно копать информацию, которую преступники упоминали вскользь, между делом.

Поэтому в конце рабочего дня Орвицка уходил домой, сгибаясь под тяжестью целой кипы протоколов допроса.

Город Ватми также считался одним из крупных городов Нортонской империи, известным своей развитой текстильной промышленностью. С прошлого года там начали одна за другой закрываться мелкие текстильные фабрики, а к концу этого года процесс только ускорился. Множество работниц остались без средств к существованию, что, в свою очередь, резко увеличило давление и на мужчин. Члены банды считали, что это прекрасная возможность для расширения "закупок" живого товара, но Толстый Кот был непреклонен: оставаться там - значит рисковать собственной шкурой, поэтому он и увёз своих людей в Содман.

О слепом Фудело и хромом Джонане они, конечно, слышали. Когда Толстый Кот только прибыл сюда, его встретил именно Фудело, и это место для промысла тоже уступил Фудело. Поэтому Толстый Кот был так твёрдо уверен, что здесь всё будет в порядке.

По их сведениям, сейчас "охотничьи угодья" Фудело находились в районе Белых Носков, а территория Джонана простиралась в районе Хикклин.

Что касается покупателей, то эти мелкие сошки ничего конкретного не знали. Они просто выполняли приказы Толстого Кота, и им всегда было достаточно вовремя получить свою долю.

Они также называли имена ещё нескольких известных в криминальном мире торговцев людьми: Мамаша Каджена, Серая Сорока Така, Крот Мори и так далее. Тех, чьи прозвища и примерные

районы деятельности были точно известны, набралось больше десятка. И все эти торговцы людьми были лишь малой частью, каплей в море по сравнению с огромной, разветвлённой сетью работоторговцев, опутавшей весь Содман.

Остальная информация касалась различных криминальных слухов: где скрывается какой-то разыскиваемый преступник, кто и где припрятал крупную сумму денег, и кто именно собрал новую банду для подготовки какого-то дерзкого "крупного дела".

Орвицка и Далиан сидели бок о бок и тщательно систематизировали всю эту разношёрстную информацию. Ворон Один с важным видом расхаживал по столу, иногда с преувеличенным вниманием наблюдая, как Орвицка или Далиан что-то записывают, словно действительно понимал написанное. Тогда кто-нибудь из них с улыбкой гладил гладкие, блестящие перья Одина. Большинство планируемых преступлений должно было произойти в Чёрном районе, район Рыбьего Хвоста упоминался крайне редко, но они всё равно решили выделить людей для наблюдения и проверки информации.

Далиан протянул Орвицке свежую газету:

- Отдохни немного.

- Мм... - Орвицка сладко потянулся. Попивая ароматный чай с молоком, он развернул газету. Пробежав глазами пару строк на первой полосе, он сразу понял, почему Далиан предложил ему почитать газету для отдыха.

- Подрывник снова нанёс удар! На этот раз его целью стало не общественное место, а канализационные трубы роскошного отеля "Сидней"! "Зловонный фонтан из фекалий бил на площади перед отелем, воздух сотрясали бесчисленные женские вопли, особенно когда какой-то ребёнок, присев на корточки у образовавшейся из нечистот лужи, начал с хохотом брызгать этой жижей на своих уважаемых родителей, - визги и крики ужаса пронзали барабанные перепонки!"

Орвицка невольно поморщился, ему показалось, что он даже физически ощущает этот удушающий смрад.

- Похоже, наши доблестные коллеги не добились особых успехов в его поимке.

- Возможно, совсем скоро кто-нибудь придёт умолять тебя взяться за это дело.

Орвицка скептически покачал головой:

- Вряд ли, я ещё не настолько знаменит, - сказавший это Орвицка уже на следующий день красовался на страницах газет - его сфотографировали с рыдающей девочкой на руках. Кто бы мог подумать, что во вчерашней суматохе и хаосе в толпе зевак окажется пронырливый репортёр с фотоаппаратом? Однако этот фотограф был явно не так талантлив, как тот из "Нортон Морнинг Пост". Снимок получился настолько размытым и нечётким, что Орвицка сам себя с трудом на нём узнал.

- Не настолько знаменит? - хмыкнул Далиан с явной иронией.

Орвицка наградил его уничтожающим взглядом.

Когда они прибыли в полицейский участок, Шультон тут же подлетел к ним:

- Детектив Мондэйл, вас ожидают две дамы. Э-э, не поймите превратно, господин начальник. Одна из дам - та самая выжившая по делу Убийцы с лентой, она пришла выразить свою благодарность. Другая дама утверждает, что у неё есть дело, и она пришла просить о помощи.

- Не настолько знаменит? - Далиан насмешливо пожал плечами и, развернувшись, удалился.

Орвицка остался стоять, провожая его взглядом.

- ...

Принять нужно было обеих посетительниц. Сначала - ту, что выжила, чтобы потом можно было безраздельно сосредоточиться на деле второй дамы.

В приёмной сидела женщина в строгом чёрном платье. На её левой руке покоилась чёрная кружевная салфетка, но Орвицка знал, что под ней скрывается культя. Это была та самая женщина, которую Орвицка вынес из подвала Убийцы с лентой. Её рука была настолько поражена гангреной и инфекцией, что её пришлось ампутировать.

Увидев вошедшего Орвицку, она медленно поднялась. Сняв чёрную вуаль, она по-прежнему была красива, но уголки её губ были скорбно опущены, а во взгляде сквозила бесконечная усталость. Она совсем не походила на молодую незамужнюю женщину двадцати с небольшим лет, скорее на вдову, много лет носящую глубокий траур.

- Бесса Станис. Добрый день, детектив Мондэйл, - её голос был немного хриплым и надтреснутым, вероятно, пережитый ужас повредил ей голосовые связки. - Спасибо вам... спасибо, что спасли меня, я...

Она опустила голову, и прошло не меньше десяти мучительных секунд, прежде чем она снова смогла поднять глаза.

- Простите, что я только сейчас пришла поблагодарить вас. На самом деле, я уже давно могла передвигаться, но я... я испытывала чудовищную, греховную обиду за то, что вы спасли мне жизнь! Потому что... так много людей теперь знают, что со мной произошло! Какие-то мужчины даже тайно пробирались в мою палату и умоляли рассказать в подробностях о пережитом в плену! Хуже того... я оказалась беременна... носила в себе отродье дьявола! Когда вы вытащили меня из того подвала, я думала, что наконец-то вырвалась из ада, но в последующие дни я поняла, что попала в другой, ещё более страшный ад! Я даже жалела, что не умерла там, в подвале! Возможно, умирая, я бы увидела сладкий сон о спасении и ушла бы в самый счастливый момент своей жизни... Простите меня! Мне очень, очень, очень жаль! Как я могла думать так бесстыдно и низко!

- Вы не должны извиняться, госпожа Станис. Вы не совершили ничего дурного. Вы - чистый, невинный ангел, пострадавший от чудовищного зла.

- Нет, это вы - ангел, - Бесса шмыгнула носом. - Вы всегда приходите, озаряя всё светом. Когда я окончательно погрузилась в пучину отчаяния, я вспомнила тот день, как вы внезапно появились передо мной. Тогда я впервые решила прочесть ту газетную статью и узнала, как вы, не зная сна и отдыха, искали этого монстра, чтобы спасти как можно больше жизней! Я не хочу, чтобы однажды, вспомнив обо мне, этой женщине, которую вы с таким трудом вырвали из лап смерти, вы подумали: "Она того не стоила". Вы во второй раз вытащили меня из ада... Спасибо вам, господин Мондэйл! Я уезжаю из этой страны навсегда. Я буду молиться за вас до конца своих дней!

- Ваша сила духа и мужество заслуживают счастливой, мирной жизни, - Орвицка склонился и, взяв руку Бессы, прикоснулся к ней губами в галантном поцелуе. Но он взял не её здоровую правую руку, а левую, где вместо кисти была пустота. Он поднял к губам чёрную кружевную салфетку. Всё ещё находясь в поклоне, Орвицка лукаво подмигнул Бессе. - А это - поцелуй настоящего принца.

Бесса не удержалась и тихонько прыснула со смеху...

Улыбаясь, она снова выглядела той молодой, сильной и нестигаемой девушкой, какой была до трагедии.

Бесса ушла. На самом деле, она пришла не одна. В карете, терпеливо ожидавшей её у входа в полицейский участок, сидел молодой человек, возможно, её брат.

Он явно заботился о ней, вышел из кареты, чтобы помочь ей сесть. Но всё это время он другой рукой прижимал платок к носу и рту, якобы из вежливости при кашле, но на самом деле старательно прикрывая своё лицо.

Но его трудно было винить. В этом мире всегда хватало любителей копаться в чужом грязном белье и злорадствовать над чужой бедой. Такая ситуация, увы, не изменилась бы даже на Голубой планете.

"Почему преступники выбирают именно её?", "Наверняка эта женщина сама виновата, изменяла мужу!" - до тех пор, пока Орвицка не разбил себе голову в том злополучном ДТП, подобные мерзкие комментарии упрямо всплывали в обсуждениях бесчисленных дел, где жертвами становились женщины.

Избиение, причинение вреда, сексуальное насилие над женщиной в головах определённого сорта людей тут же автоматически превращалось в простое и удобное уравнение: женщина-жертва = распутница = сама виновата, заслужила.

Но стоило ситуации перевернуться, и если женщина причиняла вред мужчине, то уравнение становилось другим: женщина-нападавшая = коварная гадюка = не договорились о цене = современная Пань Цзиньянь.

Орвицка не был женщиной, но его собственная мать была женщиной-агрессором. После того, как подробности дела стали достоянием гласности, бесчисленное множество людей принялись сочувствовать его отцу: "С такой сумасшедшей женой измена - это совершенно естественно и прощительно".

Он тоже не считал поступок матери правильным, но совершенно по другим причинам. Он отчаянно хотел жить, хотел, чтобы и мама жила, а погибать вместе с таким скотом, как его отец, было просто нелепо и недостойно. Но мама... видимо, всё же не смогла смириться с унижением и предательством.

"Такие мужчины, как правило, ещё и бывают яркими противниками любого проявления женского равноправия..." "И среди геев таких тоже предостаточно. Вспомнить хотя бы Лоурена, жертву из предыдущего дела. На Голубой планете тоже хватало геев-женоненавистников, особенно среди тех, кто состоял в однополном браке. Те, кто вступал в такой брак добровольно, часто рассматривали женщину исключительно как инкубатор для вынашивания потомства. А многие из тех, кого принуждали к такому союзу, подобно Лоурену, вину во всём не свою семью, а ненавистную жену".

"Опять отвлекся", - Орвицка силой вернул свои мысли к реальности. Он молча пожелал Бессе обрести наконец счастье и покой в дальнейшей жизни.

Постояв немного на улице, собираясь с мыслями, Орвицка вернулся в здание участка. Там его ждала ещё одна посетительница.

В другой приёмной сидела женщина средних лет. На плечи её была наброшена сильно выцветшая зелёная шерстяная шаль, на ней была старая клетчатая юбка. Одежда была хоть и поношенной, но опрятной. Её манеры, хоть и не отличались аристократической элегантностью, были сдержанными и вежливыми. Судя по всему, когда-то она принадлежала к среднему классу, но, по всей видимости, её семья разорилась.

- Здравствуйте, детектив Мондэйл, - как только Орвицка переступил порог, она тут же порывисто встала. - Меня зовут Данна Боент.

- Здравствуйте, госпожа Боент. Я слышал, вы пришли заявить о преступлении?

- Да, детектив. Огромное вам спасибо, что согласились уделить мне время. Я... Мой дом находится не в районе Рыбьего Хвоста, я живу в районе Утун, на Денвер-авеню, - она с опаской взглянула на Орвицку, в её глазах невольно промелькнула отчаянная мольба.

- Вы живёте в районе Утун? А предполагаемое преступление произошло в районе Рыбьего Хвоста?

<http://bllate.org/book/17916/1715852>